

О.В. Розинская

О «Дневниках военных лет» Зофьи Налковской

Аннотация: В статье анализируются дневники военных лет выдающейся польской писательницы Зофьи Налковской. После публикации в 1970 году они стали заметным литературным событием того времени, нашли отклик у мирового читателя. Это не только повествование о событиях военного времени, но и непосредственное выражение личности самой писательницы.

Ключевые слова: Зофья Налковская, дневники военных лет, художественно-документальная проза, «Молодая Польша», война, фашистская оккупация, движение сопротивления

Abstract: The article analyzes the wartime diaries written by the prominent Polish writer Zofia Nalkowska. The publication of «Diaries» in 1970 being a notable event in the literature of the time, found a response for readers of different states. This is not only a narration of the war events, but also a immediate expression the of the writer's personality.

Key words: Zofia Nalkowska, wartime diaries, documentary prose, «Young Poland», war, the Nazi occupation, resistance movement

Литература факта, идущая в ногу со временем и отвечающая его требованиям, приобрела в наше время особое значение. Интерес к художественно-документальной прозе представляет собой явление, получившее всемирное распространение. Внимание к жизненно достоверному материалу свидетельствует о стремлении читателя еще глубже познать окружающий мир, узнать правду о происходящем, воссоздать точную картину прошлого.

Лучшие достижения современной документальной отечественной и зарубежной литературы традиционно связаны с темой войны.

Важным обличительным документом становятся дневники известных писателей, переживших эти годы. Авторы обращаются к поиску новых художественных средств, способных передать переживания военного времени. Их книги превращаются в бесстрастный, лишенный вымысла и зачастую ав-

торской оценки, насыщенный фактами и цифрами рассказ, способный уже в силу своей достоверности вызвать глубокое моральное переживание. Литература человеческого документа появилась во всех странах, испытавших на себе ужас гитлеровской оккупации.

Темы войны, фашистской оккупации, движения сопротивления были ведущими и в польской послевоенной прозе. Наряду с произведениями, написанными с позиций активной борьбы с фашизмом и героизации подвигов борцов сопротивления, существовали и другие. Это субъективно-психологическая документальная проза, фиксирующая внимание на морально-этической проблематике, стремящаяся философски осмыслить время и людей, дать этому времени свою собственную оценку. Сила непосредственного отражения жизни велика, особенно если наполнена трагическими событиями сама жизнь.

В 1970 г. в Варшаве изданы «Дневники военных лет» выдающейся польской писательницы Зофьи Налковской¹. Это часть дневника, который писательница вела на протяжении всей своей жизни. В 1975 г. вышли дневники 1899–1905 гг., а в 1976 – 1909–1917 гг.² «Дневники военных лет» – явление совершенно особое в современной польской прозе. Писавшиеся во время войны, но увидевшие свет спустя пятнадцать лет после смерти писательницы, они стали достоянием литературы того периода. Это не только повествование о времени оккупации, но и непосредственное выражение личности самой писательницы – личности интересной, многогранной, противоречивой.

В дневниках, которые Налковская вела с 1899 г., отражены такие периоды истории страны, как время «Молодой Польши», мировая война, период межвоенного двадцатилетия, гитлеровская оккупация, первое десятилетие новой, социалистической Польши. На фоне исторических событий показаны многие известные деятели науки, культуры, политики того времени. Кроме того, это автобиография замечательного писателя. По словам польского критика Владимежа Вуйчика, «Дневники военных лет» – «это, во-первых, школа ее мастерства, наблюдение над жизнью, совершенствование стиля. «Дневники» были материальной базой ее произведений. Оттуда она черпала описание, характеристики образов, записанные «на горячую руку» диалоги или интересные высказывания. «“Дневники” – подлинная сокровищница документов, говорящих о политических, общественных, идеологических взглядах Налковской»³. Из этой огромной рукописи Ганна Кирхнер, уже после смерти писательницы, выбрала записи, которые велись во время вой-

¹ Имя этой писательницы недостаточно известно русскому читателю. Многие ее произведения остались не переведенными на русский язык. Среди немногочисленных крупных работ о творчестве Налковской, написанных в последние десятилетия, следует обратить внимание на книгу С. Мусиенко «Творчество Зофьи Налковской» (Минск, 1989).

² В 1980 г. изданы Дневники за 1918–1929 гг., в 1988 г. – за 1930–1939 гг. «Дневники военных лет» – повторное издание в 1972 г. Дополненное издание дневников 1939–1944 гг. появилось в 1996 г. В 2001 г. вышла последняя часть – 1945–1954 гг.

³ *Wojcik Wł.* Praca Nałkowskiej nad powieściami w świetle «Dzienników» // *Pamiętnik literacki.* 1967. № 2. S. 555.

ны, и опубликовала их в 1970 г. Записи Налковской в большинстве случаев не переработаны – в этом отличие «Дневников» от других документальных произведений о войне.

«Дневники» открываются датой 1 сентября 1939 г. и заканчиваются 10 февраля 1945 г. Две даты – 1939 и 1945. Казалось бы, небольшой промежуток времени – всего пять лет, но в них вместились целая эпоха. «Дневники» – это прежде всего книга о войне. Вместе с тем это глубокие философские размышления о жизни, литературе, писательском труде, истории. Это и исповедь гражданина, вместе со всеми остро переживающего народную трагедию. Многие факты и размышления, содержащиеся в «Дневниках», вошли в послевоенные книги Налковской – «Медальоны» (1946) и «Узлы жизни» (1948).

Дневник становится единственным спасением, в нем можно определить свое место в мире, запечатлеть то, что стараются сгладить, затемнить. «Я хочу задержать в памяти умирающую жизнь. Я не говорю о каких-то исторических событиях, о жизни народов, другие займутся этим и сделают это лучше, – я говорю об увиденной мною и понятой жизни, полностью приговоренной к гибели»¹, – пишет автор.

В тяжелые дни оккупации продолжался напряженный духовный труд писательницы. Основная тема «Дневников» – жизнь самой Налковской среди всеобщего горя и смерти, преодоление душевного отчаяния и боли. Автор пытается найти в себе силы пережить это страшное время. «Я делаю, что могу, чтобы приспособиться к такой трудной жизни... к внешнему миру, такому привлекательному, несмотря ни на что» (с. 203).

Великая писательница, изысканная дама, она познала вместе со всеми голод, страх, страдание в оккупированной Варшаве. Дневники 1939–1940 гг. напоминают скорее фрагменты, рассказывающие о ее скитаниях после нападения гитлеровской Германии на Польшу, о невероятно тяжелой жизни в Варшаве, о перестраивании быта на военный лад. В них отражено состояние человека, еще надеющегося на скорое завершение войны. Первые дневниковые записи – это почти репортаж. Бегство из Варшавы, осенняя дорога с множеством людей навсегда останутся в памяти писательницы. Вместе с другими беженцами она мечется, переезжает с одного места в другое. Но Налковская не только очевидец событий – она их судья, стремящийся разобраться в причинах сентябрьской катастрофы. «Мы дали себя уговорить, что для блага Родины лучше молчать, – пишет она. – Позволили, чтобы распространилась глупость, пустая фраза, неверие» (с. 72). Она возмущена бывшими правителями Польши, которые бросили страну, отдав ее на растерзание врагам, и тем громче звучат слова писательницы, чувствующей свое единство с народом. «Я счастлива, что не поехала по приглашению Гизелли в Ниццу, что не разделяю со всеми ними привилегии безопасности и позора. Я здесь, где и должна быть, – около матери... около своего дома, которого, может быть, уже нет, около судьбы Варшавы, какой бы эта судьба ни

¹ *Nalkowska Z. Dzienniki czasu wojny. Warszawa, 1974. S. 226.* В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.

была» (с. 67). Налковская восхищается патриотизмом, взаимопомощью простых людей, показывает, как сплачивает их надвигающаяся катастрофа.

Записи первых трех лет оккупации – это в основном информация о повседневной жизни. Вместе с сестрой Зофья начинает работать в табачном магазине, что дает ей средства на скудное существование. Рассказ о долгом пути из одного конца города в другой за товаром перемежается сценками, портретами людей, которые вереницей проходят через магазин. Эта галерея человеческих типов нарисована очень точно и ярко, порой в нескольких словах.

Даже в тяжелый военный период писательница не перестает заниматься общественной деятельностью, организует помощь нуждающимся литераторам. Вряд ли можно согласиться с польским критиком Ганной Кирхнер, акцентирующей в своих статьях, посвященных «Дневникам» Налковской, мотив смертельно уставшей женщины, у которой опускаются руки. Напротив, книга показывает необычайную силу, стойкость духа писательницы, которая хотя и жалуется на усталость, но находит в себе силы работать, напряженно мыслить и творить, заниматься общественной деятельностью.

В 1939 г. прекратилась культурная и научная жизнь страны. Налковская с горечью пишет: «...печать, радио, кино, лекции, концерты, книги – ничего нет. Жизнь проходит в молчании... Закрыты все институты, союзы, объединения...» (с. 103). Лучшие представители польской интеллигенции были замучены в застенках гестапо, расстреляны, отправлены в концлагеря.

Писательница предельно скупой, лишь намеками говорит о борьбе варшавян против гитлеровцев, об уничтожении фашистами еврейского гетто. Не описывает она и конспиративных литературных собраний, в которых принимала участие. Обо всем этом мы узнаем из отдельных обрывочных фраз. Несомненно, это делается из соображений разумной осторожности.

В своем дневнике Налковская вспоминает о том, что одну из тетрадей она сожгла, когда в ее доме был обыск, о чем в дальнейшем очень сожалела – в сожженной части дневника говорилось о смерти Януша Корчака – врача, педагога и писателя, погибшего в концлагере.

Записи первых трех лет оккупации – это бесконечный перечень ушедших из жизни людей. Погибали и в Варшаве, с арийской, как тогда называли, стороны, и за стенами гетто – в Освенциме, и в Дрогобыче (как Бруно Шульц). Налковская называет фамилии, имена или просто инициалы. Да и надо ли было рассказывать об ужасах и пытках, описывать массовые расстрелы, чтобы понять, что это было за время, – достаточно видеть этот бесконечный перечень фамилий и имен, буквы N и D, за которыми стояли люди, знакомые и близкие. А вскоре – 6 июня 1942 г. – смерть матери, самого близкого и любимого человека. Эту утрату писательница переживала мучительно, ибо не могла с ней смириться.

В фашизме Налковская видит страшное зло, которое калечит людей, будит в них звериные инстинкты. Человек перестает быть человеком – вот самая ужасная трагедия. Отсюда, видимо, страстное желание выжить, избе-

жать от «всеобщего психоза», остаться самой собой. Тема сопротивления человека неизбежной, казалось бы, катастрофе – одна из главных в дневнике. Никакие трудности и мучения не могут убить желания жить и творить: «Все одно и то же – проходят одни и те же дни: хватают, а затем расстреливают на улицах города. Я думаю, что и там не перестану оставаться самой собой...» (с. 199). Сохранить себя – это счастье, утверждает писательница и любимыми способами борется со страшной действительностью во имя «любви к другому человеку, радости общения с ним, непередаваемого счастья от чувства единения с другими...» (с. 296).

С 1942 г. записи о событиях каждодневной жизни уступают место философским размышлениям. Более важным становится не просто отображение действительности, но попытка осмыслить ее. Писательница участвует в литературной подпольной жизни, в системе конспиративного национального образования. В дневнике мы найдем множество фамилий людей, которые, как и Налковская, в небывало трудных условиях оставались непреклонными и смогли найти в себе силы заниматься литературой.

В 1944 г. в Варшаве вспыхнуло восстание. Налковская описывает толпы убегающих людей, опустевший город, «в котором летают пули». Она указывает на преждевременность этих событий, осуждает эмиграционное правительство Польши, виновное в смерти тысяч людей: «Восстание не удалось, восстание, которое объединило все враждующие группировки. Как и в тридцать девятом, никто не пришел на помощь. Взрыв произошел слишком рано, не дождавшись приближения фронта. Люди, находящиеся далеко... чего-то недосмотрели, ошиблись в своих расчетах. Тысячи отдельных марионеток умирают, утопая в крови, умирают с сознанием своего поражения, ненужной жертвы» (с. 345).

Спасения от одиночества и горьких разочарований Налковская ищет в литературе и искусстве: «Чтение книг – единственное средство сохранить свою связь с действительностью... как единственное спасение для себя» (с. 155). Среди книг, которые она читает, – философские труды различных времен, французские моралисты, Мицкевич и Достоевский, биографии и дневники. Интересны суждения Налковской о Достоевском, о манере его письма, которая ее восхищает. История человеческой мысли всегда соотносится с историей народов, утверждает писательница, поэтому так важно для нее философское осмысление прочитанных книг.

Польские критики называют «Дневники» романом с несколькими сюжетными линиями, романом большого психологического и драматического напряжения. Это и любовная драма – «история угасающего чувства героини к человеку, разрыв с которым становится более легким благодаря начавшейся войне...»¹ Писательница глубоко переживает и свою личную драму, но это не отражается на ее отношении к жизни. Наоборот, в последней части дневника все чаще появляется мотив единения с людьми, звучат слова о красоте жизни.

¹ *Matuszewski R. Zaskoczona istnieniem // Polityka. 1970. № 51–52. S. 1.*

«Дневники» – это философские размышления о человеческой природе, о ее неограниченных возможностях, о том, что такое настоящая жизнь и в каких категориях ее можно оценить. Это мысли о войне, революции, истории. Налковская оценивает себя как художника, оценивает свою манеру письма. «В процессе работы убеждаюсь, что как только я стараюсь преодолеть свои недостатки, получается еще хуже. Пробы описаний событий полностью, полной характеристики людей всегда неудачны. Я должна сама с собой согласиться: сокращения, детали, подробности – это предназначено для меня. Я не должна считать, что эта форма суха и лаконична. Я не должна делать то, что мне недоступно» (с. 204).

Язык дневника очень простой. В первые годы оккупации это сухое изложение фактов – в основном передача событий при помощи каких-то деталей, коротких зарисовок. Подробности каждодневной жизни выполняют свою функцию: они делают жизнь того времени более понятной для читателя, придают ей выразительный характер. Характерной особенностью является также деталь, всегда очень четкая. Порой несколькими словами Налковской удается нарисовать страшную картину действительности и выразить свои собственные переживания.

Во второй части книги, после 1942 г., появляются размышления, обобщения, комментарии, исторический анализ. Налковская принадлежала к тому поколению писателей, которое открыло новый стиль прозы. Стиль прозы Налковской – это особый тип внутренней, духовной жизни.

«Дневники военных лет» Зофьи Налковской – это и множество сведений об известных деятелях литературы того времени: Вацлаве Беренте, Марии Домбровской, Хелене Богушевской, Ежи Корнацком, Кароле Ижиковском, Ярославе Ивашкевиче, Тадеуше Брезе.

Произведение, в котором рассказ очевидца переплетается с глубокими философскими рассуждениями о судьбах всего человечества, обладающее гражданским, философским, социальным, политическим пафосом, оказывается современным по содержанию и форме.

Семьдесят лет прошло со дня окончания Великой войны. Неумолимое время берет свое, все меньше и меньше остается живых свидетелей тех исторических событий. Те же, кто знает о войне лишь понаслышке, естественно, хотят понять, как все это было. Литература факта выполняет эту священную миссию. Авторы документальных произведений не всегда были активными борцами против фашизма, но вносили свою лепту в эту борьбу: отстаивая национальное достоинство, защищая человека и человечность, они выступали во имя высших духовных ценностей.

Документальная литература осмысливает уроки минувшей войны, рассматривая факты прошлого в их непосредственной связи с современностью.

Сведения об авторе:
Ольга Валерьевна Розинская,
канд. филол. наук
старший научный сотрудник

филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga V. Rozinskaya,
Candidate of Philology
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
o.rozinskaya@mail.ru